

Плюшевый гуру из трещин.

Я вошёл в комнату, где царили вечные тишина и покой. Под ногами клубилась пыль, а книги были облеплены клейкой многоуровневой паутиной. Тусклые окна, расположенные, словно на мансарде, под самым потолком, едва пропускали бледное свечение. Комната точно вылезала на неизвестное число десятилетий в прошлое и будущее. А виной всему была она - величавая своей ветхостью старинная статуэтка из пресованного сакрального плюша. От старости плюш растрескался, и только энергия, светившаяся в каждой жилке этой священной статуэтки, не давала ей рассыпаться окончательно в мелкий летний прах, как рассыпаюся, отрываясь по кусочкам, истлевшие от времени мишки Тедди. У статуэтки гуру из пресованного плюша были поводья из тончайших улиточьих проводков усиков. Каждое утро она вылезала из комода, чтобы погреться на едва различимых пыльных отблесках зари и размягчить зачерствевшую от старости хрустящую оболочку себя. Она могла долго резвиться, и лишь с заходом солнца наступал сон гуру. Никто уже не знал, никто уже не помнил, чей лик был запечатлён в теле плюшевой статуэтки, и лишь её архаичность и антикварность придавали ей внушительный вид, толику уважения со стороны людей и тотальную неприкосновенность. Когда я на цыпочках прокрался в эту застарелую мрачную комнату, пропахшую дубом и специями, вениками и штукатуркой, то этот запах, чем-то напомнивший аромат свежезатопленной русской баньки, напоил жизнью и плюшевого гуру, вдруг заговорившего вкрадчивым и скрипучим с хрипотцой голосом в моей голове: “Сковырни вещи, ведь не материя есть суть и происхождение лиц”, - произнёс гуру. Я переместил статуэтку на видное место и принялся остроконечным ногтем ковырять деревянное мясо кухонного шкафа. Они казались стеклянными. Углы изогнулись - и в этот самый момент комната начала складываться точно карточный домик. “Я уже сместил функции, теперь согласование между объектами потеряно”, - отозвался плюшевый гуру. Тем временем, я дошёл уже до сковороды. Её гладкие ровные поверхности были идеальным зеркалом, принимавшим в себя окружающее пространство с большим углом обзора так, что, кажется, сам идеал отражающих поверхностей высвобождался при соприкосновении с поверхностью этой сковороды. Тут я осознал, что базовая её функция и есть зеркало, распушил усы, пригладил чёлку и обратил внимание на собрание тостеров, которые в микроскопическом масштабе стекались на самый центр комнаты. Каждый из них был размером не больше далеко не самой крупной мыши, причём эта сходка тостеров обещала быть грандиознейшей за всю их историю становления, борьбы и развития. Я подскользнулся на их масле а в этот самый момент плюшевый гуру проворковал: “Это же забастовка! Возмутительная акция несанкционированного протеста кухонных масс!” Подъехавшая на помощь стиральная машина принялась разделять и властвовать, мешая милитаризации тостеров, но короткое замыкание, волной прошедшее по рядам, только понизило порог их возбудимости: тостеры нагрелись и из них повалил едкий дымок с оттенком запаха сгоревшей пластмассы. Гуру же вопрошал вослед: “Видишь ли ты биения беснующейся толпы? Кажая микроскопическая частичка жизни информационного уровня - нетленна, неизмерима и незрима.” Одновременно с наступлением момента произнесения

речи гуру из трещин, пришло и понимание окрытия способности работать изнутри себя с тонкими материями. Точнее, я увидел, что что всегда с ними работал, только не осознавал этого. Когда дело касается информации, то на первый план выходят сотрудники информационных интеллектуальных технологий. Как и древние жрецы, они работают с категориями труднопонимаемой логики, обращаясь к информационной сети для получения каких-либо сведений, через которые всегда могли найти способ воздействовать на сознание и подсознание людей, а знание их понятно и интересно далеко не каждому, но тем лишь, кто не пренебрегает сферой тонкой информационной оболочки, уделяя ей достаточное внимание. Я понял, что доски поля, в действительности, предназначены для них, изменяющих сознание через свойства существования. “Молодец, в верном направлении мыслишь и действуешь”, - похвалил шепелявый плюшевый дедок-статуя. Я метался по комнате гуру на дубовых лыжах, совершенно не представляя, как их можно снять. “Если честно, то самое важное - это не то, что лежит у тебя перед глазами”, - отозвала плюшевый гуру. - “Самое важное - это то, что лежит в трещинах между картинками, висящими у тебя перед глазами. Вот ты думаешь, что я сделан из пресованного, твёрдого, как камень, плюша? Ничего подобного! Мой плюш уже давно прекратил своё существование. Моим плюшем можно разве что асфальт укладывать, да и то - не везде и не всегда. Однако же я могуч! И знаешь, почему? Да потому, что я, на самом деле, создан из трещин, образованных между плюшевыми осколками, потому я бестелесен, безграничен и непобедим. Так и вы, люди, смотрите совсем не туда, так как в ваших глубинах зарыты отгадки на все вопросы. Невозможно испортить то, что не существует. В этом и заключена отгадка существования. Пусть меня когда-то сделали из плюша, но себя я сделал сам повторно из осколков Великой Пустоты. Если свойства вещей изменены, то подумай, сколько же ещё будет длиться миг мира, и сколько разе ещё за это время его можно будет вот так смещать? Если ты поймёшь принципы этой структуры...” - дед не договорил, вместо этого он рассыпался в прах из пресованного плюша, сияющего и переливающегося, точно крылья у бабочки или срез пиритового камня, а посреди всего этого великолепия лежали и смотрели в пустоту грустные бусинки мудрых полистироловых глаз. Я открыл салатницу, извлёк оттуда белку, а вместе с ней мне вренулась уверенность в светлом будущем человечества, ждущем за гранью, где-то на космодроме, откуда шаттлы отправляются в рейсы по безмерным и многогранным просторам Внутренней Этерны. А вместе с уверенностью в воздухе вокруг меня повисли дедушкины плюшевые трещины. И тогда я удивился - и как же я их реньше не замечал, найдя в себе силы скинуть морок гипнотических картинок, окружавших меня с самого рождения.

*Белоусов Роман,
18 марта 2012 года.*